

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Четвергъ, 10-го Апрѣля 1914 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11988

БѣЛАЯ ПАСХА.

Вспоминается разное.

До вечера въ столовой была такая удивительная суета.

Папа, полный, длиннобородый, сидѣлъ у стола съ засученными рукавами ночной рубахи и красилъ яйца.

Видѣлъ важный, я это хорошо понималъ, такой видѣ у папы бываетъ, когда онъ у себя въ кабинетѣ занимается и щелкаетъ на счетахъ.

Передъ нимъ три чашечки съ красками: зеленая, красная и желтая, говоритъ, что желтая всего хуже выходитъ, окунеть яичко въ чашечку, потомъ вынимаетъ ложечкой.

Накрасилъ горку цѣлую, высохли, тогда смочилъ правую руку прованскимъ масломъ и перетеръ всѣ яички, заблестѣли словно лакированныя.

Ахъ, меня не пускаютъ работать. Говорить руки испачкаешь. А вотъ папа перепачкалъся, даже на ночной рубахѣ я нашелъ пятнышко, почему же мнѣ нельзя?

Мнѣ кажется, это мое прямое дѣло красить. А то „смотри и не трогай“. И все такъ, разъ интересно, нельзя трогать.

Мама вѣрно сказала:

Я себѣ мороку всегда оставлю на послѣднюю минуту.

Всегда мороку оставить. Такъ выходитъ. Уже все прибрано, въ комнаткахъ удивительно прохладно и чисто, а мама съ канделябрами возится, никому не даетъ.

Положила ихъ въ корыто и моетъ щеткой, третъ и третъ. Вздыхаетъ, жалуется, что устала, а канделябры всегда сама; иконы тоже сама чистила и мыла, никогда этого никому не довѣрить.

Паша, — „золотая руки“, такъ ее называетъ мама за аккуратность и усердие, Паша что то спѣшно шьетъ на машинѣ, около окна, такъ и мелькаетъ ея правая рука, а сама наклонилась и внимательно-внимательно слѣдитъ за строчкой.

Смотрю—и мнѣ почему то смѣяться хочется. Знаю, что это грѣшно, Паша такая хорошая и добрая, а мнѣ смѣшно. Она очень рябенькая—и на щекахъ рябинки, и на лбу, и на подбородкѣ, а когда вотъ такъ наклонится, у нея волосы сползаютъ внизъ, и торчитъ носикъ. Потѣшная.

Паша, можно повернуть машинку?

Нельзя.

Миша, Миша, оставь, ты вѣчно мѣшаешь!

Опять мѣшаю. Яйца нельзя, машинку нельзя, канделябры, конечно, тоже... какъ интересно, такъ и нельзя, мѣшаешь... какъ будто я ничего не умѣю дѣлать.

Я математику знаю, а Паша не знаетъ; я задачи рѣшаю, знаю сказанное, подлежащее, потомъ мысы, острова, пять частей свѣта, очень много знаю, Софья Павловна мною такъ довольна, а машинку повернуть не умѣешь.

Они всегда такъ придираются.

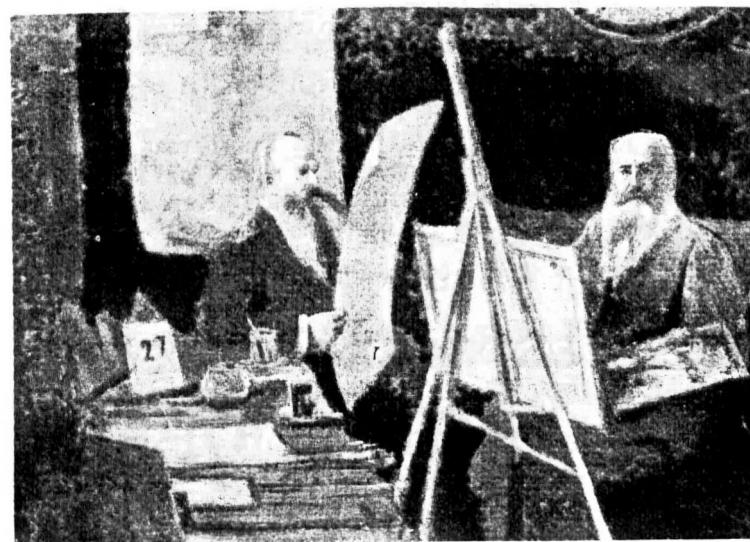
10-лѣтие гибели „Петропавловска“.

Адмиралъ С. О. Макаровъ.

В. В. Верещагинъ.

«Въ каюте «Петропавловска»

Картина Мансфельда.

В. В. Верещагинъ пишетъ портретъ С. О. Макарова. Популярный морякъ и знаменитый художникъ погибли на «Петропавловскѣ».

Отойди, дѣтка, водой забрызгаю.
Дай ка я потру... Ты устала.

Оставь, оставь.

Скучно... Я тоже хочу.

Скучно, возьми у папы „Ниву“, посмотри картинки. Ну, будь же умничкомъ. Мы всѣ спѣшимъ.

Опять „Ниву“, какъ она мнѣ надоѣла. Надуваюсь, сажусь на диванъ, нарочно мну страницы. Каждую картину знаю; вездѣ усы придѣлалъ, бороды; вездѣ свинокъ нарисовалъ, веселыя и грустныя; у одной хвостикъ вверхъ, у другой хвостикъ внизъ.

Надуваюсь и считаю своихъ свиней.

Это вѣрно мама говорила, что у насъ дѣтей мало... Еслибы у меня былъ братикъ или сестричка, а то одинъ.

Няня пришла изъ кухни. Охъ, какая она важная. Даже толще стала. На правой щекѣ бородавочка, когда цѣлеуетъ меня щекочеть. Строгая, лицо красное, ни на кого ни смотритъ и прямо къ мамѣ. Секреты. А я знаю. Няня помогаетъ на кухнѣ пасхи печь, вотъ и все. Вотъ и сообщаетъ Мусѣ-мамѣ, какъ идетъ дѣло.

Будто онѣ испортятся, если я узнаю.

Няня... Подошли пасхи? очень высокія?

Даже не взглянула:

Много будешь знать, скоро соста-ришься.

Я и такъ больше тебя знаю. Ты сѣдая, а я нѣтъ...

Не отвѣтила, пошукала. Разобралъ только одно слово „шахранъ“, пошукала и ушла, толстая, толстая, едва въ дверь пролѣзла.

Повсюду зажгли лампы. То тамъ, то здѣсь Муся-мама что нибудь поправляетъ. Она моментально замѣчаетъ, что криво, что торчитъ, что запылилось. Удивительно.

Пошелъ прогуляться въ залѣ. Занавѣ-сочки бѣлыя, бѣлыя, а зеркала у насъ очень большія въ золотыхъ рамкахъ; одно надъ каминомъ, другое надъ диваномъ. Они свѣтлые, свѣтлые. Потому мнѣ очень нравится нашъ залъ.

Взялъ подвѣсочку отъ канделябра; приложилъ къ глазамъ, смотрю и иду, сразу полъ проваливается. Знаю, что это только такъ кажется, но всегда останавливаюсь, страшно. Отодвину подвѣску, гладкій полъ, и опять идешь, не страшно. Вотъ удивительно.

Легъ на диванчикъ.

Вотъ и не могу забыть, какъ потомъ мнѣ было сладко, интересно и жутко.

Много днемъ по двору бѣгалъ, значитъ усталъ и, очевидно, задремалъ иъ залѣ на диванчикѣ, а меня и забыли въ суетѣ, не тронули.

Какъ это Муся-мама могла меня забыть, не понимаю.

Проснулся, тихо-тихо, значитъ къ заутренѣ ушли. Заглянулъ въ столовую—никого. Вернулся въ залу, тутъ свѣтлѣе, не страшно.

Въ углу у иконы большая гране-ная лампада, желтая съ краснымъ, а на столѣ лампа, и свѣтъ такой тихій, тихій. И въ зеркалахъ, тихо,

тамъ стоятъ такія же вещи, какъ въ залѣ, но только все кажется немного серебрянымъ и чужимъ.

Избирательная кампания Асквита.

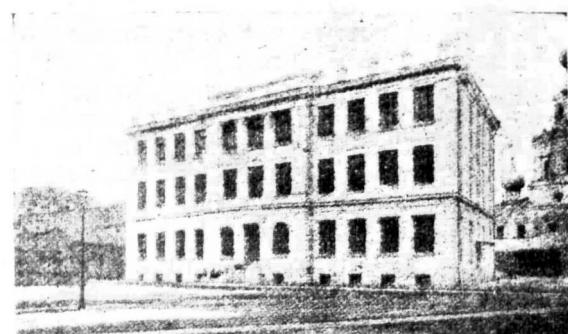
Английский премьер-министр Асквітъ, взвішшій портфель военного министра, долженъ по английскому обычаю сложить депутатский постомоя и снова просить избирателей о возобновлении мандата.—Асквітъ произноситъ рѣчи на трибунѣ избирательного митинга въ своемъ округѣ на сѣверѣ Англіи.
Отъ нашего корреспондента.

Открыта форточка. Легкій вѣтерокъ входитъ, и слегка колышатся занавѣски на окнахъ.

И вотъ тихонечко, тихонечко донесся колокольный звонъ... Потомъ громче, но очень нѣжно, точно старичекъ разговаривалъ за окномъ.

Такая радость меня охватила, самъ ничего не понималъ. Посмотрѣлъ на икону, захотѣлось молиться. Помню всталъ на диванчикъ, на колѣни, что то говорилъ, и опять все оборвалось.

Подошелъ ко мнѣ старичекъ, который за окномъ разговаривалъ, погладилъ мои волосы, взялъ за руки, отнесъ въ дѣтскую; тамъ тоже лампадочка горѣла, такъ свѣтло, радостно, не видѣть я его раньше, а страшно не было, — такой нѣжный, такой ласковый.

Московский первый въ Россіи психологический институтъ имени Л. Г. Щукіной, торжественно открытый 23 марта.

УЛЬСТЕРСКОВІЖЕНІЕ.

Митингъ въ Гайдъ-паркѣ (въ защиту ульстерцевъ). Извѣстная суффражистка миссъ Дэглайшъ говоритъ противъ либерального министерства.
Отъ нашего корреспондента.

Генерал-лейтенантъ сэръ Артуръ Пэдди, главнокомандующий англійскими силами въ Ирландіи.

Военный министръ полковникъ Сили, подавший въ отставку въ связи съ ульстерскими событиями.

Раздѣль онъ меня, положилъ въ кроватку, за спинкой одѣяло подоткнуль, я такъ люблю,—опять погладиль головку и сказалъ:

Спи, дѣтка, спи. Поздно. Завтра встанешь, пасочка будетъ. Одѣнуть на тебя новый костюмчикъ, хороший, хороший... Спи, милый мой...

Еще что-то говорилъ, а я уже не разбрѣралъ. Поплыло все въ сторонку, лампадочка, полка съ книгами, стариочекъ...

Утромъ всталъ. Муся-мама веселая, бѣленъкая, сама пришла меня одѣвать. Спрашивала.

— Муся-мама, это ты меня изъ залы въ дѣтскую унесла?

— Нѣть, вѣрно, ты самъ. Я пришла, ты уже въ постелькѣ лежаль.

Рассказала ей, какъ все было.

Сонъ, дѣточка. Ну, давай одѣваться.

Можеть быть, и сонъ... Только такъ ясно помню, такъ ясно помню...

Фениксъ.

МИНІАТЮРЫ.

Два письма.

Онъ писалъ ей:

«Вы спрашиваете о моей любви? Да, я могу васъ такъ понять. Думаю, что мое чувство вспыхнуло потому, что въ

васъ еще такъ много дѣтского, неизвѣстного, красоты земли, красоты разнаго средственнаго.

Иногда такая серьезная, прямо строго говоря, какъ кто знаетъ, можетъ быть потому я постались, и посмотрѣть на васъ страшно...

— Таковъ мой путь, такова моя вѣра, и то, что я знаю, если напишете искренне и просто, что я любилъ васъ?

— Да, вы мнѣ дороги, мнѣ цѣнны. Я ма-

кая, словно свѣжій весенний цветокъ, но, кажется, уже хоро-

шо видѣть васъ, но, кажется, уже хоро-

ПОСЛѢДНІЯ МОДЫ.

Визитный туалетъ изъ муара ванильковаго цвета, большая гладкая вставка и короткій внутренній рукавъ гладкаго свѣтлаго шелка.

Костюмъ изъ краснаго шелковаго сукна съ отдѣлкой на двойномъ воланѣ и на кимоно изъ клѣтчатаго бархата. Кушакъ и воротничекъ изъ гладкаго шелка.

Простенъкое изящное платье изъ темно-синей шерстяной матеріи отдѣлано бѣзъ пестраго шелка шинэ. Небольшой воротникъ Медичи и рюшъ у рукавовъ изъ газа, тюля или кружева. Корсажъ, одѣвающійся поверхъ юбки, намѣчаетъ новыя вѣянія моды.

вуаль": "устроить свою жизнь"; Иванъ Федоровичъ забавенъ". Не понимаю, то-роплюсь, поклонъ..."

И это отвѣтъ на его крикъ, на его пламя?

Размѣялся, разорвалъ письмо и бросилъ въ корзину.

Больше онъ никогда не писалъ ей и никогда уже не видѣлся съ нею.

Фениксъ.

**

Пахнуло весною весной и любовью,
Мнѣ счастья и свѣта хотѣлось давно
И сердце мое, истекавшее кровью,
Какой-то цѣлебной отрадой полно.

Внезапно слетѣвшей любви обаянье
Чаруетъ, какъ нѣга заманчивыхъ сновъ
Забудеть ли сердце быляя страданья;
Дождется ли чувство вѣнка изъ цветовъ?

Не знаю... Но если и снова сомнѣнья
Ревниво отравятъ грядущіе дни
Душа не забудеть про эти мгновенія:
Такъ полны весной и надеждой они!

Н. Ч.

**

Не разбудить тебѣ во мнѣ
Уснувшихъ грезъ, любви, мечтаній;
Живу давно я, какъ во снѣ,
Безъ яркихъ чувствъ, безъ упований!
И ты уйди, повѣрь словамъ:

„Мой сонъ глубокъ, мечты
поблекли...

Ты входишь въ опустѣлый храмъ...
Не знаю, вспыхнетъ огонекъ-ли?..."

**

Сонъ-ли то былъ? Молодая весна,
Юная ласка природы,
Точно вакханка, росою пьяна,
Къ жизни будила всѣ всходы.
Сонъ-ли то былъ? Ароматы полей,
Пѣсни, любовь и привѣты,
Все оживилъ юный богъ, чародѣй,
Въ яркую зелень одѣтый.
Сонъ-ли то былъ? Въ голубую вуаль
Жемчугъ, опалъ, аметисты
Вдругъ превратила манящая даль
Воздухъ весны золотистый.
Сонъ-ли то былъ? Въ утомленную
рудь
Долгой борьбой и сомнѣньями
Новыи надеждамъ сіяющей путь
Кто-то открылъ съ пѣснопѣньями.

О. Малиновская.

